

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ СЕРГЕЯ НИКОЛАЕВИЧА ВЕРНОВА

Академик Сергей Николаевич Вернов принадлежит к блестящей плеяде советских физиков-ядерщиков ушедшего столетия. Он был одним из первых, кто перенес фундаментальные ядерные исследования на орбиту искусственных спутников Земли и пилотируемых космических кораблей. Его тяга в космос проявилась задолго до того, как он стал признанным авторитетом в области физики космических лучей, первооткрывателем внешнего радиационного пояса вокруг Земли. Сергей Николаевич проходил подготовку и был утвержден членом экипажа легендарного стратостата «ОСОАВИАХИМ 1»*, который при выполнении правительственного задания потерпел аварию 30 января 1934 г. Незадолго до этого трагического дня Сергей Николаевич заболел ангиной и место летчика-исследователя в полете занял его ровесник физик Илья Усыкин. Мировой рекорд высоты (22 км), установленный П. Ф. Федосеенко, А. Б. Васенко и И. Д. Усыкиным, и их гибель при спуске стратостата были одной из героических страниц нашей науки и техники XX века. . .

По воле судьбы мне посчастливилось близко знать Сергея Николаевича Вернова и его семью. Это позволяет мне поделиться некоторыми воспоминаниями, которые будут лишь скромными штрихами к его портрету.

Дни моего детства проходили в коммунальной квартире на московской улице Горького, дом 22а, где среди нескольких семей научных работников Академии наук СССР жили и наши семьи — Верновых и Сисакян. Приведу страничку маминых воспоминаний о нашем чудесном пятом этаже**.

«Общежитие аспирантов. Общежитие докторантов. И, наконец, общежитие докторов наук, многие из которых впоследствии стали академиками: Гагик Степанович Давтян, Иван Владимирович Танаев, Норайр Мартиросович Сисакян, Сергей Николаевич Вернов. На

* ОСОАВИАХИМ — общество содействия обороне, авиации и химическому строительству — массовая добровольная организация в СССР в 1927–1948 гг.

** Сисакян В. П. Малое из большой — недолгой жизни // Академик Норайр Мартиросович Сисакян. На путях к населенному Космосу: Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 2001. С. 98–99.

девять семей столько известных ученых! Марк Иосифович Голдин, Сергей Галустович Саркисян, Василий Патрушев, Николай Турбин, Николай Нуждин, Федор Иванович Рукавишников (погиб в Великую Отечественную войну) — все доктора наук, профессора.

Но не только этим был необыкновенен наш милый пятый этаж. 9–10 молодых хозяек — научные сотрудницы (и я уже получила это звание), бабушки, няни, более десятка прелестных малышей и, наконец, «хозяева» — отцы семейств — вот и все народонаселение пятого этажа. Все размещались в одиннадцати комнатах, расположенных по обе стороны длинного коридора, на одной обширной кухне с тремя четырехконфорочными газовыми плитами. На всех два туалета и два умывальника, не всегда с водой днем: напор мал, вода доходила до пятого этажа только ночью. Отсюда частые ночные авралы — запасали воду. Воды надо было очень много: у всех пеленки! Не думайте, что мы часто ссорились, наоборот, помогали друг другу жить. Не дай бог, если кто-нибудь заболел, все начинали суетиться: звонили по единственному телефону, вызывая врача, тащили больному (больной) термометр, лекарства, диетическую еду, фрукты. Были случаи, когда кто-то не успевал приготовить обед, тогда другие были готовы разделить с ними свою трапезу. Все это было в порядке вещей на нашем милом пятом этаже. . .

Война разбросала всех — кого куда. Вернувшиеся вместе пережили радость Победы, скорбь за погибших. . . Первый орден, первый на пятом этаже, получил Норик*. И, неожиданно для нас, наш этаж устраивает торжество — застолье, Норiku преподносят подарки, адрес в стихах и пр. Очень трогательно. Подарки дарили и вновь появившемуся малютке — новому жителю нашего этажа. Каждый Новый год встречали семьями в своих комнатах, а уже после двенадцати было трудно разобрать, кто где: всеобщее веселье, да какое! Не утихало всю новогоднюю ночь!

Доктора постепенно начинали получать квартиры, и это послужило началом «распада» необыкновенного восхитительного общества. До сих пор раздумываю, в чем причина слаженности нашего тяжелого быта, чуткого отношения друг к другу? Что служило истоком и что способствовало интенсивному творчеству и успехам молодых ученых с пятого этажа? Ответить пока не могу, необходимо подумать. . .

Бессонная ночь объяснила все просто. Наука объединяла и роднила всех, на бытовые дразги не оставалось ни времени, ни желания, ни сил. Учитывать следует и то, что все мы были молоды, полны надежд, в нас жил добрый дух студенчества. На пятом этаже родился наш сын Алеша. . . »

*Так близкие звали Норайра Мартиросовича Сисакяна.

И наша мама, и Мария Сергеевна Вернова (Меркулова) были научными работниками. Мама — агрохимик, а Мария Сергеевна была видным радиохимиком, доцентом, ученицей и сотрудницей знаменитого академика В. Г. Хлопина. В семье Верновых — двое детей: Юра — ровесник моего старшего брата Ивы (Иосифа) и Леночка — моя ровесница. В нашей семье — еще сестра Людмила.

Поскольку и Мария Сергеевна, и Сергей Николаевич были очень занятыми людьми, дом Верновых держался в те годы на плечах тетушки Сергея Николаевича Евдокии Степановны Верновой — сестры его отца Николая Степановича (старого петербургского интеллигента). Она была очень милая и благородная женщина (как, впрочем, и все Верновы). В свое время она училась в Институте благородных девиц. Своей семьи у нее никогда не было, и она всецело отдавала себя благополучию семьи своего племянника. Они были большими подругами с моей бабушкой Фаиной Яковлевной, и я помню, что был очень привязан к Евдокии Степановне. Называли мы ее тетя Дуся. Именно она в октябре 1944 г. отвезла мою маму в роддом, где вскоре я появился на свет. Уже после того, как на рубеже 40–50-х годов семьи, заселявшие 5-й этаж, разъехались (мы — на Большую Калужскую улицу, дом 13, Верновы — в корпус «Л» нового здания МГУ на Ленинских горах), Евдокия Степановна и моя бабушка поехали с детьми на дачу в Долгопрудное, тайно покрестили меня в тамошней церкви. По крайней мере так свидетельствовала впоследствии моя бабушка. Она не была слишком религиозной, в отличие от Евдокии Степановны, которая верила и была хранительницей православных традиций. Это делалось, конечно, в очень большой тайне, в том числе от родителей. Такие были времена. Строго говоря, в Долгопрудном у Верновых была не дача, а служебная квартира, так как Сергей Николаевич был профессором Физтеха.

Он был, без преувеличения, любимцем 5-го этажа. Может быть, в силу его чисто профессорской рассеянности, какой-то неприспособленности к решению бытовых задач, о нем все старались заботиться, и он отвечал неизменным доброжелательством и обаятельной, почти детской улыбкой.

Они с нашим папой очень хорошо, по-дружески относились друг к другу. Это проявлялось и дома, и в рабочей обстановке. Контакты не прерывались и после разъезда по разным квартирам. Несмотря на различие специальностей и характеров, они были духовно родственнее друг другу, чем многие близкие сослуживцы или родственники. Папа всегда с интересом расспрашивал Сергея Николаевича о новых достижениях физиков. Сказывалось, наверное, то, что в юности папа хотел поступить на физико-математический факультет, но как выходцу из сельской местности ему дали путевку комсомола на агрохимический (селу были нужны агрономы!). Видимо, поэтому папа стремился, чтобы сыновья стали физиками. И эта мечта его сбылась.

Надо сказать, что в судьбе Ивочки большую роль сыграл именно Сергей Николаевич. Он посоветовал им с Юрой после окончания физфака МГУ поступать в аспирантуру ФИАНа. Ивочкиным шефом стал близкий знакомый Сергея Николаевича — Евгений Львович Фейнберг — человек широко эрудированный и благородный, известный ученый в области теоретической физики. Через Сергея Николаевича наша семья познакомилась и с другими интересными физиками: Александром Игнатьевичем Лебединским, Николаем Алексеевичем Добротинным, Дмитрием Владимировичем Скобельцыным, а позднее с Игорем Борисовичем Тепловым и другими замечательными учеными и интересными людьми.

Во время работы в Дубне муж моей сестры Юлиан Арамович Будагов и я постоянно чувствовали дружескую поддержку Сергея Николаевича. С благодарностью мы вспоминаем и его помощь и доброе участие в судьбе Милы Будаговой (дочери Людмилы Норайровны и Юлиана Арамовича)...

Уже в начале 50-х годов Сергей Николаевич и папа были вовлечены в разработку программы исследований на искусственных спутниках Земли и пилотируемых космических кораблях: Сергей Николаевич в части исследований радиационной обстановки и космических лучей, а папа — в части медико-биологических проблем. В конце 50-х — начале 60-х они неоднократно совместно участвовали в пресс-конференциях, посвященных полетам в космос, а также в других совещаниях в Академии наук, где подводились итоги очередного космического этапа. Помню, они несколько раз после таких собраний появлялись у нас дома и подолгу беседовали, и вспоминали о жизни на пятом этаже. Мама всегда хлопотала у плиты и расспрашивала о житье-бытье. К этому времени уже не было тети Дуси, а Мария Сергеевна тяжело болела, а вскоре не стало и ее... Лена вышла замуж и жила в Ленинграде. Мама вспоминала, как в детстве мы озорничали с Леной, которую все звали Леля. Мама, увлекавшаяся стихотворчеством, даже написала целую поэму о Леле и Леше, которые заблудились в лесу. Было ли это на самом деле — я, честно говоря, не помню... Но факт, что в детстве мы были большими друзьями.

Про Юру мы знали гораздо больше, так как он работал вместе с Ивой (а позже в близкой области начал трудиться и я). Юра стал известным физиком-теоретиком, женился на Мелите Николаевне Мнацакановой (она тоже физик-теоретик!). А недавно и их сын Сергей тоже стал физиком. Очень приятно среди участников представительных научных конференций видеть Сергея Вернова... Традиции продолжают!

Когда я вспоминаю о Сергее Николаевиче, передо мной встают как бы два образа. Один — немного рассеянный моложавый и веселый профессор с «пятого этажа», а другой — Сергей Николаевич 70–80-х годов с пышными седыми усами, собранный и значительный, признан-

ный руководитель ядерно-физического направления в нашей стране. Это, безусловно, свойство памяти — фиксировать какие-то наиболее запоминающиеся черты образа. Сам Сергей Николаевич всю свою жизнь оставался очень добрым и доступным человеком, бесконечно преданным науке.

В 70–80-е годы мне посчастливилось сотрудничать с Сергеем Николаевичем и его коллегами при организации ряда научных мероприятий, в том числе школ молодых физиков. Довольно часто мы с ним встречались на научных конференциях или когда он приезжал в Дубну по делам филиала НИИЯФ МГУ, одним из создателей которого он был. Его связывали близкие товарищеские отношения с Дмитрием Ивановичем Блохинцевым и Николаем Николаевичем Боголюбовым — первыми директорами Объединенного института ядерных исследований в Дубне, Венедиктом Петровичем Желеповым — одним из основателей научной Дубны. Николай Николаевич всегда отмечал большую деликатность и интеллигентность Сергея Николаевича, он сильно печалился, узнав об уходе из жизни Сергея Николаевича, которого знал не только по науке, но и как соседа по подъезду в корпусе «Л» МГУ, где были их квартиры.

Сергей Николаевич, безусловно, был мягким человеком, но эта мягкость не распространялась на науку и деловые отношения. Я несколько раз был свидетелем его довольно резкого поведения при обсуждении научных вопросов.

Сергей Николаевич с интересом отнесся к моим работам, которые вошли в докторскую диссертацию, посвященную процессам множественного рождения частиц при высоких энергиях. Он блестяще знал эту тематику, так как был одним из первопроходцев в области физики космических лучей. Именно он посоветовал мне перед тем, как представлять диссертацию к защите, добавить исследования по эффекту лидирующей частицы в рамках развиваемой мной модели, так как это, по его мнению, значительно усилило бы работу в целом. Я был достаточно молодым, впечатлительным в то время и заметно загрустил, услышав замечания Сергея Николаевича, расценив, что учет этого замечания может привести к задержке с защитой. Он это заметил и, улыбнувшись, сказал: «Знаешь, Алеша, мне очень дорога твоя судьба в науке, поэтому я бы хотел, чтобы твоя диссертация была не просто хорошей, а очень хорошей. . . Ведь мы были друзьями с твоим папой. . . »

К тому времени папы уже не было более десяти лет. А эти слова Сергея Николаевича (как и его светлый образ) я буду помнить всю жизнь. . .

Через полтора года я защитил диссертацию, перед этим, конечно, учтя замечания Сергея Николаевича. (В папочке с наиболее дорогими мне документами и письмами хранится отзыв Сергея Николаевича на мою докторскую.) Через несколько дней после защиты мы встре-

тились в его московской квартире. Он поздравлял меня, был очень веселым и сказал: «Знаешь, что я теперь Гертруда?» Ему в тот год вручили звезду Героя Социалистического Труда. Тамара Васильевна, которая опекала его последние годы, наливала нам чаю с вареньем. Сергей Николаевич много вспоминал о прошедшем. С грустью говорил об ушедших Александре Игнатьевиче Лебединском и о папе. «А ты знаешь, что твой папа давал мне рекомендацию в партию, а тогда это было не так просто. . . » — вдруг сказал Сергей Николаевич. Через полтора года его не стало. Навещая на Новодевичьем моих родителей и брата, я всегда захожу на могилу Сергея Николаевича и Марии Сергеевны. . .

Мои друзья и коллеги (и среди них, в первую очередь, В. Г. Кадышевский, В. А. Матвеев, В. И. Саврин, А. Н. Тавхелидзе) часто и с любовью, особенно в последние тяжелые для науки годы, вспоминают Сергея Николаевича, его роль в становлении нашей науки. Его научный стиль и идеи с годами видятся все более значительными.

Дубна хранит память об ученом, определившем развитие одного из важнейших научных направлений, разрабатываемых в Объединенном институте ядерных исследований. В новом районе Дубны проспект Боголюбова пересекается с улицей Вернова. Люблю проезжать этот перекресток: будто бы два великих ученых, близких мне человека, только что разошлись по сторонам, оставив нам эти улицы, этот город и нашу науку, которой они верно служили. . .

Февраль 2003 г.